

τῆ κακίᾳ προσέλαβεν, τί δαί λέγειν, ὅσῃν ἐκ προσιμίῳν (ὁ παμμίχρος) τὴν κακίαν ἐκίσσῃσεν, [καὶ εἰς προύπτον ταύτην καὶ ἐναέριον ἀνερρίπισε φλόγα; οὐ μικρὰ γὰρ ταύτην βλέποντας τοὺς Χριστιανοὺς κατέλαβεν ἄθυμια], ὥστε πάντας [ἐκ προσιμίῳν] εὐθὺς δι'ταμότητα μισῆσαι αὐτὸν καὶ Ἀρταυάσδω κουροπαλάτῃ καὶ κόμητι τοῦ Ὀφικίου προστεθῆναι γάμβρω τε αὐτοῦ ὄντι ἐπ'ἀδελφῆ Ἄννη, καὶ τὴν βασιλείαν αὐτῷ [ὡς ὀρθοδόξῳ] παραδοῦναι“ = Anast. Biblioth. 268₂₁₁: „quia vero patrum principatum cum malitia suscepit, non modicam in brevi tempore demonstrat nequitiam ita, ut ab omnibus ob impudentiam confestim odio haberetur, et Artahuasdo curopalati et comiti Obsequii, qui Annam sororem ejus uxorem duxerat, vis pro capessendo imperio imponeretur“.

Разница получается огромная: помимо добавлений, последняя фраза в греческом тексте имеет совершенно иной смысл, чем в переводе. Кто же в данном случае переделывал? Снова приходится указать, что, если бы в том тексте Феофана, с которого переводил Анастасий, стояло всё, что мы имеем в наличных греческих списках, переводчик не имел бы никаких оснований вносить такие изменения и стараться затушевать религиозные мотивы революционной попытки Артавазда. Мы не можем себе даже представить, из каких соображений понадобилось бы ему это делать, тем более, что в дальнейшем развитии этой попытки религиозная окраска приводит, и переводчик там ее и не думает вычеркивать. Но она является не изначальной, а производной: не ортодоксальность Артавазда и нечестие Константина вызвали „решение народа“ передать власть первому помимо второго, а захват власти Артаваздом — попытаться обосноваться и стать приемлемым для столичного населения — посредством обмана (объявления Константина погибшим), обвинения Константина в искажении божественных учений и ложной клятвы патриарха Анастасия. Расхождение между оригиналом и переводом весьма существенное, но Анастасий не мог быть виновником его. Невиновность его поддерживается и той внешней литературной корректностью, которой перевод выгодно отличается от греческого текста. Неуместное повторение ἐκ προσιμίῳν явно выдает переработку греческого текста и вставку в нем. Неисправно — в синтаксическом отношении — и присоединение самой вставки: „τί δαί λέγειν, ὅσῃν... καὶ εἰς προύπτον ταύτην... ἀνερρίπισε φλόγα“.

Спешной и неумелой рукой притиснуто далее и предложение — „ὁ μικρὰ γὰς...“ И в общем — в греческой редакции весь эпизод захвата власти Артаваздом утрачивает осмысленность и искажается противоречием, чего нет в редакции перевода. В самом деле, если нечестие и христорборство Константина уже привели „христиан“ в такое уныние, что они возненавидели его, вошли в соглашение с Артаваздом и (καὶ) передали ему императорскую власть как православному, в таком случае совершенно излишними и непонятными являются попытки Артавазда убедить этих христиан в том, что Константин V погиб, что он был нечестивец, достойный проклятия, и клятва патриарха перед всем народом. Легко сообразить, однако, что в редакции перевода все это получает и смысл и значение. Наконец (и это, может быть, наиболее убедительный довод в пользу Анастасия), нельзя обойти вниманием изложение событий у патр. Никифора, отличающееся ясностью и обстоятельностью.³¹

³¹ Νικηφόρ. Ἱστ. Συντ. 59, 15 ff.: „Ἀρτάβαζος δὲ, ὅς ἐστι παμμίχρος Κωνσταντίνου ἐπ' ἀδελφῆ ὑπῆρχεν, ἅμα τῷ περιόντι λαῷ (στρατιγὸς δὲ τοῦ Ὀφικίου λαοῦ ἐτύγχανεν) καὶ τοῖς δυσὶν υἱαῖσιν, ὧν ὁ μὲν ἕτερος Νικήτας ἄλλτερος δὲ Νικήφορος ἐκκληῖστο, κατὰ τὸ λεγόμενον τοῦ Δουρλαίου πεδίου ἠυλίετο. καὶ δὴ τυραννίδα εὐθὺς κατ' αὐτοῦ μελετᾷ, τὸν τοῦ πενθέρου θάνατον πυθόμενος, καὶ ὄρκους τὸν ὑπὸ χεῖρα κατεδέσμευε λαῶν αὐτῷ μὲν εὖνοιον ἐσσεῖσθαι, ἕτερον δὲ εἰς βασιλεία μὴ δεχέσθαι...“